

Лебеди над Челнами

66

ВЕСНОЙ 2015 года в Набережных Челнах при Дворце культуры «КамАЗ» открылось литературное объединение «Лебедь». Руководителем ЛитО стала выпускница Высших литературных курсов Литинститута имени А. М. Горького, поэтесса Ольга Кузьмичёва-Дробышевская. Она является и организатором современного литературного конкурса «Лебеди над Челнами», который проводится на русском и татарском языках с 2016 года. В этом году шестой по счёту конкурс обрёл статус всероссийского.

Имя конкурса родилось из названия двух поэтических сборников, изданных в Москве в 1981 и 1987 годах. Помог выпустить их журнал «Новый мир». Авторами книжек «Лебеди над Челнами» были участники Городского литературного объединения «Орфей», а составителями – известные поэты Арво Метс, Андрей Василевский, Равиль Бухараев.

Всероссийский конкурс «Лебеди над Челнами» продолжает литературные традиции, зародившиеся на левом берегу Камы во времена Всесоюзной ударной стройки, когда возводились автогигант «КамАЗ» и Новый город, когда молодёжь стремилась к большим свершениям и романтике, а молодые поэты и прозаики считали, что без стихов и песен красивый город не построишь.

Представляем рассказ победителя Всероссийского литературного конкурса «Лебеди над Челнами – 2021» в номинации «Проза» Майи Галицкой. В заявке она написала о себе: учитель русского языка и литературы Государственного учреждения образования «Недойская базовая школа Буда-Кошелёвского района» Гомельской области Республики Беларусь.

*Майя
Галицкая*

рассказ
Возвращение

М

ТЁТКЕ Стасе опять не спалось. Это повторялось уже которую ночь подряд. С вечера она, намаявшись за день, вроде бы быстро и крепко засыпала, а потом, через пару часов, резко прокидывалась оттого, что ей не хватало воздуха. Она подолгу лежала неподвижно, с закрытыми глазами, пытаясь унять расхолодившееся сердце.

– Ну, чегой-то с тобой опять-то? – мысленно спрашивала она у своего «двигателя». – Устало, бедненько, устало. Ну, погоди, не части так. Тихенько, тихенько... Нема ж войны уже, не бейся, не бейся... Полтора года, как нема...

Когда бешеный пульс понемногу успокаивался, тётка Стася открывала глаза. Первое, что видела она напротив дощатого настила, служившего ей кроватью, было желтоватое в ночном мраке пятно лица Николая Угодника.

Икона была единственной вещью, которую Стася успела выхватить из уже полыхавшей хаты под гогот подвыпивших немцев. Наскоро отступая, они, окружив деревню, уже не сгоняли в сарай стариков и баб с малолетними детьми. Спешно прошерстив хлевушки и вспоров последние оставшиеся в живых подушки с матрасами, фашисты подождли деревню с четырёх сторон и, для пущего страха разрядив несколько

обойм под ноги обезумевших от горя воющих баб, пошли дальше, зажимая под мышками трепыхавшихся тощих кур.

Бабы, голося навзрыд, кинулись было тушить крайние хаты, но осень сорок четвёртого года была на диво сухой и тёплой, да и порывистый ветер быстро закончил дело, начатое фашистами.

В том пожаре уцелела и старая кошка тётки Стаси – угольно чёрная, без единой белой шерстинки Васеня. Васеню ещё до войны котёнком принёс младший сын Стаси, пятнадцатилетний Алёшка. Прибежал с улицы и дрожащими руками ткнул что-то матери в подол.

– Мамк, давай возьмём кошёнка, а? Я на поле нашёл. Поглядь, какой маленький, сосун ещё, видать. Помрёт же ж.

Тётка Стася подхватила из рук сына чёрненький, еле тёплый комочек. Котёнок открывал розовый беззубый ротик, но звук не шёл.

– Ай-яй, горечко ж мелкое! Так он не видит же ж, глазки большие, – закудаhtала тётка. – Поди-тка, вон там за забором ромашки растут. Нарви жмени две. Только рви те, у которых сердечник вверх торчит, то лечебные будут.

Алёшка мигом принёс большую пригоршню цветков. Мать заварила их крутым кипятком и, когда взвар остыл,

намочила мягкую тряпочку и долго отмачивала мордочку котёнка.

Через несколько дней отпоенный парным молоком и вымытый ромашковым отваром котёнок ожил. По традиции его называли Васькой – как и три десятка других деревенских котов. Васька своё имя запомнил очень быстро, но за хозяйина признавал только своего спасителя, Алёшку. Он никогда не тёрся об ноги ни самой тётки Стаси, ни отца, ни Алёшкиного старшего брата Петра. В руки он тоже не давался и сердито рычал, когда кто-то хотел его приласкать.

Была у кота странная привычка: как только Алёшка усаживался, Васька подходил к нему, становился на задние лапы и так, вытянувшись в струну, клал голову на колено хозяина. Стоять в таком положении, практически не шевелясь, он мог очень долго.

Ровно через год Васька благополучно принёс троих таких же чёрных, как и сам, котят. Соседки долго подтрунивали над Стасей, мол, как же ты не разглядела котятче «хозяйство»! Васька, успешный привыкнуть к своему имени, ни на каких Мурок и Катек не реагировал, так и остался Васькой, правда, в немного изменённом виде – Васеней.

За несколько часов до пожара Васеня исчезла. Выскользнула из хаты и как будто растворилась в воздухе. Как только фашисты вышли из объятай пламенем деревни, кошка тут же появилась вновь.

За всю войну и год с лишним, прошедший после, кошка ни разу не окотилась, а в последнее лето, видимо, от постоянного испуга и недоедания начала чахнуть. Почти всегда она лежала, свернувшись клубком, и широко открытыми глазами следила, как тётка Стася управлялась, насколько швыркала самодельным венником по земляному полу и уходила работать в поле.

Нетронутой огнём того пожара в их деревне осталась одна-единственная кургузая хата бабы Матрёны, по-уличному – Матруси, о которой по деревне ходили недобрые слухи. Поговаривали, что она мало того, что ведьма

– гадает на картах, так ещё и раненого молодого немчонка выхаживала – притащила на себе из соседнего леса после того, как закончился скорый бой поредевшего немецкого батальона с засевшими в лесу партизанами. Когда бабы прознали, что Матруся просит молока от единственной на три окрестные деревни коровы вовсе не для советского солдата, чуть не устроили самосуд. Собравшись возле Матрусиной хаты, они колотили кулаками в хлипкие стены и требовали отдать им немчонка-вражину. Матруся, приоткрыв дверь, сначала пыталась донести до баб, что раненый немчонок совсем молодой, дитё. А потом, поняв, что соседки настроены серьёзно, распахнула дверь настежь, отошла и, уперев руки в худую поясницу, медленно проговорила:

– Ну, давайте, заходите. Давите его. Только помните, что и ваши дети у какой-нибудь немецкой бабы вот так же могут лежать.

Неожиданно обернувшись на ментально притихших баб и оглядев всю толпу, Матруся ткнула чёрным заскорузлым пальцем в тётку Стасю:

– Ты, Стася, давно похоронную получила на старшего? А мужик твой где? Погодь-ка, приползёшь ко мне ещё. И ты, Верка, – она перевела взгляд на другую женщину, – не будешь знать, куда кидаться, когда безногого привезут твоего.

Матруся закрыла хату. В гробовой тишине тонким голосом выла Стася, скомкав грязный передник и засунув его в рот. Бабы, не проронив больше ни слова, разбрелись по своим землянкам и наскоро слепленным буданам.

Тётка Стася встала, зажгла керосинку. В изножье кровати заворочалась Васеня, протяжно мяукнула. Стася попила воды из гнущей алюминиевой кружки и села на лавку, под закопчённого Николая Угодника. Минуту подумав, она вытащила из-за иконы скрученные в трубочку грязно-серые бумажки, развернула и поднесла поближе к трепыхающемуся тоненькому огоньку. «Уважаемая Анастасия Павловна! С великим

прискорбием сообщаем Вам, что Ваш муж ... Игнатий Васильевич пал смертью храбрых в бою под...» Дальше тётка Стася прочитать не могла – чернильные строчки расплылись под каплями её слёз ещё тогда, в сорок третьем. Дрожащими руками она разгладила похоронку, прижала к щеке, закрыла глаза. Посидев так немного, взяла другую бумажку – текст был точно таким же, за исключением имени: в строчке «Имя и имя по отцу» стояло «Пётр Игнatieвич». Третий тоненький листочек был совсем свежим. В нём значилось, что «...сын Алексей Игнatieвич пропал без вести в 1945 году в бою за Берлин». Алёшку призвали, как только ему стукнуло восемнадцать, и вот...

По впалым щекам тётки Стаси потекли слёзы. Алёшка, Алёшенька, младшенький... Знать бы хоть, где твоя могилка, где твои косточки нашли последний дом...

– Надо идти! – вдруг подумала тётка Стася. – Пусть скажет хоть что-то.

Тётка Стася встала, плеснула в лицо холодной воды прямо из ведра, скребанула беззубым гребнем по голове, затопталась по хате. Нагнувшись под трёхногий стол, вытащила корзинку с десятком яиц, положила туда же тонюсенький кусочек грязно-серого сала, завёрнутый в тряпицу. Шикнув на кошку, она, крадучись, на цыпочках, вышла из избы и, пригибаясь, быстрым шагом направилась на край деревни.

– Кто? – спросил сонный голос из за щелястой двери, утыканной пучками мха.

– Я это, Стася Игнатиха, не бойся. Открой.

– Щас, погодь трохи.

Матруся приоткрыла дверь и, убедившись, что это действительно соседка, пропустила её в избу.

– Чего тебе среди ночи? Помираешь, что ль?

Тётка Стася, поставив на лавку корзинку, неуклюже бухнулась Матрусе в ноги, обхватила их руками и запричитала сквозь слёзы:

– Не прогоняй, миленькая! Помоги,

сил больше нет терпеть-то. Кинь карты на Алёшку моего. Мож, жив ещё. Не написано же ж, что мёртвый, пропал без вести.

Матруся невесело усмехнулась.

– Говорила же ж, придёшь ещё ко мне. Так вышло, по-моему, а? Я ещё тогда видела, что ты придёшь. И сейчас знаю, чего ты тут. Только ты сама мне скажешь... Да ладно, вставай, Стася, негоже прошлое поминать, грех это. Вставай да садись вот на лавку.

Матруся подождала лучину, убрала длинные волосы под замызганную козынку и принесла стопку толстых карт, затасканных и засаленных до такой степени, что они больше напоминали ломти сала, чем куски картона. Смахнув со стола крошки, Матруся стала шлёпать на него карты, пристально всматриваясь в них, то качая головой, то цокая языком.

– Пропал без вести, говоришь?

– Написано. В бою за Берлин.

– Не знаю, Стася, что такое. Карты мои ни разу не ввали, но...

– Как есть, так и скажи. Умаялась я от неизвестности-то. Хоть буду знать, как-то с ним всё.

– Вижу, что есть он на этом свете, но как будто лица у него нет. Одни глаза живые, а лицо как будто расплзлось всё. Стало быть, живой твой сын. Жди, Стася, вернётся он скоро.

Тётка Стася последних слов уже не слышала, так как сползла без сознания аккуратно под лавку. Матруся плёхнула ей в лицо воды, и Стася, хватая ртом воздух, снова уткнулась лицом в колени Матруси, как заведённая, повторяя на одной ноте:

– Спасибо, миленькая! Спасибо, Господи!

– Да ладно, нема за что. Иди, Стася, а то как бы бабы не прознали, что ты ночью была тут. Ещё спалют будан твой. И кошёлку забери. Как будешь идти, так оставь её у Верки Семёнихи на крыльце. Дети малые там да мужик как полмужика, безногий, ей нужнее.

С той самой ночи тётку Стасю как будто подменили. В поле она работала

за двоих, даже просилась на подмену, когда какая-нибудь из баб не могла выйти на работу. Когда второй послевоенный урожай был убран и началась зима, тётка Стася без устали расчищала снег возле крылечка, моталась в лесок за хворостом, утепляла хатку, наспех сколоченную из того, что можно было найти на пепелищах и под ногами. Она притащила откуда-то оконную раму с почти целым стеклом, и теперь днём на небольшом подоконнике частенько восседала чёрная Васеня. Два раза в месяц в деревню приезжал на лошади «магазинщик» – бородатый мужик на деревянной ноге – и привозил сахарин, керосин, бесформенные юбки из крашеной само тканой материи, куски серой бумаги и другие бабские мелочи типа шпилек, ручек для ухватов, дубовые кругляши для подставок под чугуны... Неизвестно каким образом сторговавшись с «магазинщиком», тётка Стася выторговала себе цветастый платок и – о чудо! – кругленькое надтреснутое зеркальце, которое надёжно упрятала в безразмерный, обгорелый с одной стороны сундук.

Ближе к весне тётка Стася даже умудрилась приобрести себе мелкую однорогою козу Майку, для которой носила из леса берёзовые и еловые веники из тонюсеньких веточек. Рядом с домом она расковыряла небольшую грядку, обтыкав её разновеликими кривыми сучьями.

Кошка Васеня как будто тоже сошла с ума вместе со своей хозяйкой. В один из одинаковых в ожиданиях дней она куда-то исчезла. Тётка Стася думала, что животное окончательно зачахла и подалась в лес умирать. Но Васеня вернулась через пару недель, и дальше всё было как обычно. Ровно через два месяца кошка притащила тётке Стасе в кровать только что родившегося чёрного котёнка, положила хозяйке на грудь и села рядом.

– Вот те и раз! Сдурела на старости-то? – протянула тётка Стася, но котёнка вместе с мамашей поместила в дырявый картофельный кош.

Более того, бабы-соседки стали за-

мечать, что тётка Стася, скорее всего, повредила от горя в уме: ковыряется ковыряется в поле или возле хатки, потом выпрямится, смотрит куда-то вдаль и улыбается сама себе, а потом ещё и скажет что-то тихонько... Позовёшь её – как будто вздрогнет и – опять вроде бы нормальная.

Другие тётки из бригады начали подтрунивать над Стасей:

– Послушай-ка, говорят, что к тебе мужик какой-то сватался, ай нет?

– Да ну вас, пустозвонки, какой мужик мне! Мне уже и помирать скоро. Да и не нужен мне никто. Игнатушку вот война забрала...

Губы тётки Стаси дрожали, лицо кривилось, и она долго-долго не поднимала голову, стараясь налегать на лопату или мотыгу ещё сильнее.

Сама себе тётка Стася думала, что если Алёшенька вернётся, то обязательно на большой праздник. Иначе и быть не может. Поэтому и к Пасхе готовилась особенно тщательно: побелила глиняную печурку и потолок, натаскала глины из овражка и вымостила земляной пол. Но проходил праздник за праздником, а сына всё не было. В душе она уже нередко начинала клясть Матрусю, обнадёжившую её. Но как только сталкивались с ней возле родничка или у «магазинщика», Матруся многозначительно кивала ей головой, и Стася снова на некоторое время притихала и улыбалась сама себе.

В самый сенокос ей вдруг стало плохо. Может, от жары, а может, силы покинули напереживавшуюся на две жизни вперёд женщину. Тётка Стася отползла под куст, прилегла на мягкую шёлковую траву и закрыла лицо руками. Вроде бы стало немного легче.

– Баб Настя, а, баб Настя! – звал её пацанёнок Верки Семёнихи. – Ба-а-ба На-а-стя!

– Чего тебе? Чего-то орёшь, как поджаренный! – подхватила тётка Стася.

– Там тебя какой-то мужик ищет! Страшный – жуть! С обпалённой мордой. И руки одной нет. Мычит чегой-то, только глазищи зыркают.

– Шла б ты домой, тётя Стася, – по-советовал бригадир. – Мало ли что, время тяжкое, ходят всякие – недобитки немчурские. – Он недобрый взглядом окинул Матрυσю, махавшую косою неподалёку. – Ещё оберёт хату, последнее унесёт.

Тётка Стася медленно побрела домой. Как назло, разболелась голова, бухало в глаза красными молниями. Подходя к своей избёнке, она дёрнулась и замерла на месте. На косеньком невысоком крыльчке топтался незнакомый седой мужик и, воровато оглядываясь, пытался одной рукой открыть фанерную дверь. Дверь не поддавалась, и он сосупил с крыльца и, сильно прихрамывая, пошёл под окно, заботливо остеклённое тёткой Стасей.

Тётки Стасины ноги ослабли, и она едва не рухнула ничком в дорожную пыль. Пересилив себя и облизнув враз пересохшие губы, тётка Стася двинулась к хате. Незнакомец скрылся за хаткой, и тётка Стася, подняв щербатый серп и занеся его над головой, начала заходить с другой стороны. Она успела услышать, как завывала в хате Васеня и, видимо, чувствуя опасность, билась изнутри в запертую дверь.

Сделав шаг за угол, она столкнулась с мужиком и остолбенела от испуга. Лицо его было обожжено до костей и

зажило уродливыми рубцами. Волосы на голове росли пучками и были абсолютно седые. Как и говорил Веркин пацанёнок, у мужика не было одной руки от самого локтя, в другой он сжимал какую-то тряпку. Однако глаза его остались целыми и в упор смотрели на тётку Стасю. Тётка Стася глухо охнула, схватилась за сердце и осела на землю.

Когда она очнулась, был уже вечер. Она осмотрелась. Хата её была цела, дверь заперта, а страшного мужика поблизости уже не было. Надрывно верещала кошка, запертая в хате. Тётка Стася приподнялась на руке и снова замерла: седой человек сидел поодаль на старой колоде, на которой она рубила хворостины. Она подумала, что успеет заскочить в дом и запереть его изнутри, прежде чем он, хромой, сможет её догнать.

Собрав все силы, она подскочила, опрометью бросилась на крыльцо, отперла слабую дверь и вбежала в дом. Кошка пулей выскочила во двор и метнулась прочь. Тётка Стася заперла дверь на крючок и устало осунулась на лавку. Черпая кружкой воду из ведра, краем глаза она увидела, что рядом с сидящим на колоде страшным мужиком, встав на задние лапы, вытянувшись в струну и положив голову ему на колено, стояла чёрная Васеня.

